

Отзыв

официального оппонента доктора философских наук,
профессора Евгения Васильевича Афонасина
на диссертацию Максима Сергеевича Никулина «Ноология как стратегия
философской мысли в древнегреческом платонизме»,
представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук
по специальности 5.7.2 – История философии (философские науки)

Во второй половине двадцатого века произошел подлинный ренессанс исследований неоплатонизма. Дело не только в том, что антиковеды, подробно изучив тексты классического периода, наконец перешли к освоению обширного наследия Прокла, Дамаския, Симпликия, Филопона и других философов поздней античности. Вовсе нет, в качестве важных источников более ранних периодов развития античной философии они давно заняли подобающее им место. Адекватно было изучена и их философская система. Однако оказалось, что философия нашего времени, как аналитическая традиция с ее интересом к философии математики, так и континентальная, включающая феноменологию и структурализм, стремилась и стремится выйти за пределы классического дискурса. Новые и нестандартные шаги в развитии логики, психологии и теории познания, а теперь и в области искусственного интеллекта, который по определению является «чистым мышлением» оказались созвучны тем исходным интуициям, которые мы встречаем в трудах таких мастеров диалектики, как Плотин или Прокл. В результате этого интереса к неоплатонизму мы в настоящее время имеем множество адекватных комментированных переводов трудов неоплатоников, выходят монографии и статьи, регулярно проходят конференции. Иными словами,

изучение неоплатонизма в настоящее время – это интересная и актуальная тема, и диссертация М. С. Никулина призвана внести в нее свой вклад.

Первая глава диссертации М.С. Никулина посвящена досократикам. В целом, картина вырисовывается и сделанные выводы позволяют во второй главе перейти, собственно, к платонизму, однако представляется странным полное исключение Демокрита. Во-первых, у него немало рассуждений о познании, и даже если они автором далее не используются, его позиция заслуживает представления хотя бы в качестве альтернативного взгляда на вещи, важного для последующего изучения платонизма (см., например, фр. 117–122 Лурье, а также раздел о душе и мышлении, фр. 452 и далее).

Вторая глава охватывает эволюцию платонизма от самого Платона до возникновения неоплатонизма. Философия Платона представлена грамотно, древнегреческая терминология и цитирование везде корректно. Автор диссертации настаивает (с. 82), что в ряде мест «Платон обозначает словами νοῦς, ἐπιστήμη, φρόνησις единую ноэтическую реальность, в которой сложно различить объективную и субъективную составляющие». Подобного рода высказывания мы встретим и далее. Очевидно, автор почему-то считает важным подчеркнуть неприменимость картезианских понятий при изучении Платона, однако, во-первых, не ясно, почему это проблема и, во-вторых, в полемику с кем он вступает. Разве Платон не различает между умопостигаемым и чувственно воспринимаемым, не рассуждает о «причастности» индивидуальной души универсальным идеям? Ну и что, что ἐπιστήμη одновременно обозначает и знание и идею знания? Разве не к этому стремился Платон?

Следом за Платоном в диссертации идет Спевсипп. Аристотель исключается полностью, вероятно, автор полагает, что у него «ноологии» нет, очевидно, даже в Метафизике Λ, что, конечно, неверно. Это тем более странно, что тот же Спевсипп неизбежно представлен через призму критики Аристотеля, который делает это со своей позиции. Далее в главе рассматриваются Ксенократ, Антиох, Евдор, Модерат, наконец Плутарх.

Тексты автор диссертации освоил, однако исследовательская литература сводится к нескольким статьям и книгам в русском переводе, по преимуществу довольно старым, что удивительно, учитывая разнообразие исследований по этой теме в последнее время. Выводы в конце главы носят спекулятивный характер. В частности, автор допускает явное смешение понятий (с. 139): «мировая душа ...находясь на границе онтологических уровней, ... способна истинно мыслить как умопостигаемое, так и чувственное, производя соответственно знание и мнение».

Третья глава посвящена неоплатонизму. Для диссертации она основная. Трактаты Плотина автор изучает очень детально и демонстрирует отличные навыки работы с философским текстом. Затем подробно исследуется интерпретация умопостигаемого универсума неоплатониками Порфирием, Ямвлихом и Проклом. Позиция первых двух в основном реконструируется на основании цитат и пересказов в сочинениях Прокла и Дамаския, что автор и проделывает.

В результате ему удастся сформулировать несколько выводов, довольно общего характера. В частности, автор отмечает, что ему удалось проследить в греческом платонизме особую стратегию философской мысли, которую он предлагает обозначить термином «ноология». Как заклинание повторяется, что задача не решается в терминах объективного и субъективного, вновь без дальнейших объяснений. Следует заметить, что в финальной таблице не нашла отражение позиция Дамаския, который ввел понятие «невыразимого» начала, находящегося выше единого Плотина и Прокла.

Выскажу также несколько замечаний частного характера.

Ключевая проблема диссертации М. С. Никулина – слабая сфокусированность на изучаемой теме. С одной стороны, хорошо, что автор рассматривает избранную проблематику в различных аспектах и на протяжении всей античности, но с другой ясно, что отдельные разделы работы окажутся неизбежно менее проработанными, в сравнении с другими.

Например, происхождение слова νοῦς следовало бы изучать по этимологическому словарю индоевропейских языков, или, хотя бы, по этимологическому словарю древнегреческого. Вместо этого он ссылается на пару работ, которые ни в коей мере не могут считаться первоисточниками (с. 22-23). Далее по тексту, в кратком описании школьного деления «досократиков» автор вместе с Лосевым удивляется, почему Диоген Лаэртий причислял элеатов к италийской традиции. Но ведь это доксографический топос, дошедший до нас в основном благодаря Аэцию и Ипполиту и восходящий, в конечном итоге, к Теофрасту, о чем в настоящее время очень много и подробно написано (Яп Мансфельд и его школа, а также, по-русски Л. Жмудь и автор этих строк). На странице 27 говорится о том, что «орфические» надписи на костяных пластинках из Ольвии (V век до н.э.) «являются свидетельством раннепифагорейского дуализма души и тела». Но как орфические таблички, тем более из черноморского региона, могут быть пифагорейскими? Кроме того, их толковать нужно в контексте других археологических свидетельств (так называемых золотых табличек из погребений). Ну и по-прежнему ссылки идут на вторичную литературу. Автор забывает о Русяевой, Жмуде, я уже не говорю о Буркерт, Бернабэ или Эдмондсе. Высказываю это замечание потому, что это уже, вроде бы, не введение, а основной текст диссертации, поэтому раздел должен был бы быть проработан более детально.

С. 35. Со ссылкой на Лебедева (который критикует Буркерта и Хафмэна) М.С. Никулин выступает против «натуралистического» толкования первых начал пифагорейцев, вслед за Лебедевым, приводя в качестве доказательства место из *Метафизики* (987a). Они, эти начала, пишет Аристотель, есть сущности того, о чем они сказываются, а не «природы», вроде первоэлементов. Хорошо, но тогда это же можно сказать о «беспредельном» Анаксимандра, «атомах» Демокрита или «гомеомериях» Анаксагора. Ненатуральным первоначало не перестает быть от того, что не сводится к одному из элементов. Элементы вторичны по отношению к нему и вопрос о

том, как именно истолковывается первоначало, – это отдельный вопрос. Это может быть идея, заведомо нематериальная, или же число – которое как раз, в случае с пифагорейцами, не понятно идеальное или нет. Может, естественней предположить, что досократики попросту не мыслили в таких понятиях? Аристотель переформулирует пифагорейскую доктрину в терминах своей теории категорий, но еще более анахронистичен автор диссертации, приводящий свидетельство А 17 о Филолае (про бога-«демиурга») в качестве достоверного. То же самое можно сказать о последующем разделе о Ксенофане.

В разделе о Гераклите (с. 47) у читателя возникает вопрос, почему ἦθος ἀνθρώπῳ δαίμων (B92) доказывает, что знание есть атрибут божественного? Речь идет о даймоне, который в ранней греческой философии по смыслу, возможно, далек от сократической демонологии.

В разделе о Пармениде (с. 49) оказывается, вслед за Лебедевым, что у Парменида свет – это «духовная» сущность. Как это возможно? Солнце светит, но не греет? Кроме того, автор некритически пересказывает безосновательные спекуляции Лебедева о «куресе»-Пифагоре, и совершенно незнаком с обширной научной литературой о Пармениде, хотя бы работами Тарана, Мурелатоса или Коксона.

С. 87. χώρα у Платона – это не материя. Разумеется, ее можно так истолковать, но называть ее материей без всяких оговорок – это, как минимум, неточно.

С. 168 и далее. Не ясно, почему автор не использует отличный перевод *Сентенций* Порфирия С.В. Месяц, хотя ссылается на другие ее работы?

Несмотря на высказанные замечания (ведь такова задача оппонента), исследование М. С. Никулина следует считать цельным и завершенным, работа, безусловно, выполнена самостоятельно. Исследование обладает определенной новизной и актуально для развития отечественной историко-философской науки, выводы автора в основном подкрепляются античными источниками и, в меньшей степени, исследовательской литературой.

Результаты работы автор диссертации опубликовал в достаточном количестве статей в рецензируемых изданиях, кроме того, они нашли отражение как в самой диссертации, так и в автореферате.

Диссертация Максима Сергеевича Никулина «Ноология как стратегия философской мысли в древнегреческом платонизме» с определенными оговорками соответствует критериям пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства № 842 от 24.09.2013 г.) (с изменениями и дополнениями), ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2 – История философии (философские науки).

Доктор философских наук
по специальности 5.7.2 – История философии
профессор Школы философии, истории и
социальных наук,
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный
университет имени Иммануила Канта»

Евгений Васильевич Афонасин

4 сентября 2025 года

Контактные данные
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»
Адрес: 236041, Россия, г. Калининград, ул. А.Невского, д.14
Телефон: +7 (4012) 59-55-95
e-mail: post@kantiana.ru
web-site: https://kantiana.ru

